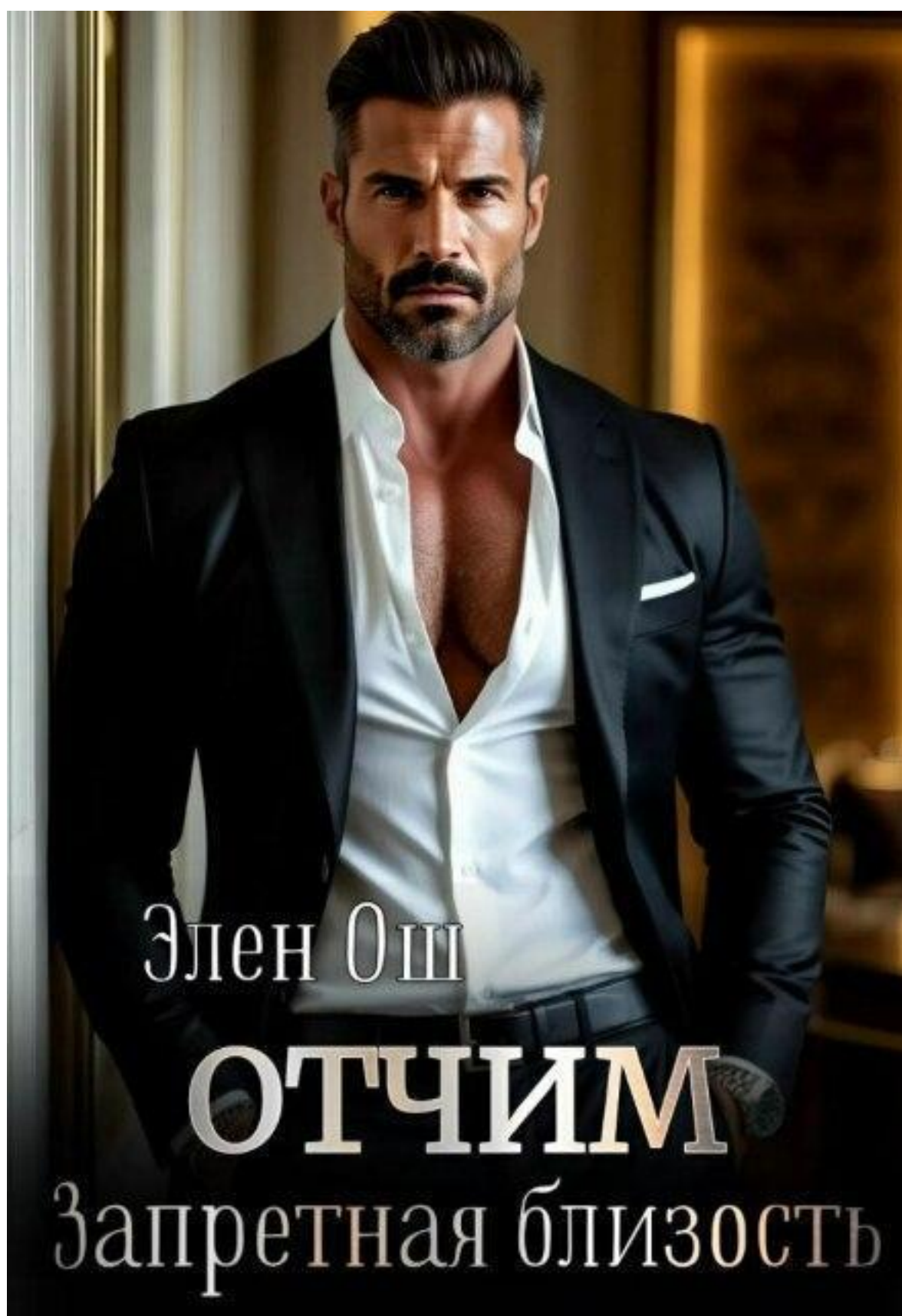

Элен Ош

ОТЧИМ

Запретная близость

Элен Ош

Отчим. Запретная близость

«Литнет»

2025

Ош Э.

Отчим. Запретная близость / Э. Ош — «Литнет», 2025

Он разрушил мою жизнь, женившись на моей матери. Я думала, он мой враг, но в час отчаяния он спас меня от кошмара, а его защита имеет цену. Теперь я принадлежу ему. Он диктует, что мне носить и как жить. Его холодный взгляд обещает наказание... и невыносимое наслаждение. Я ненавижу его, но мое тело реагирует на каждый его приказ, а его прикосновения разжигают внутри огонь, который может погубить нас обоих. Горячо. Запретно. Без границ. Только для читателей 18+

© Ош Э., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пролог

(Пять лет назад)

Знаешь, как бывает на студенческих экскурсиях? Тащишься с группой на какую-нибудь обязательную тусовку, вроде выставки «Премиум-Туризм & Гостеприимство», стоишь в толпе, слушаешь какого-то зануду с презентацией и думаешь о том, как бы побыстрее сбежать и выпить кофе. Типичный день будущего менеджера по туризму, каким была я, Мирослава Бельская, студентка первого курса.

А потом на сцену выходит... Он. Нет, серьезно. Не просто очередной упакованный в дорогой костюм мужчина, а именно ОН.

Виктор Штерн. Основатель «Штерн Групп». Звучало, как выстрел.

Я слушала, раскрыв рот, и не могла оторваться. Он говорил о роскоши не как о золотых унитазах, а как об «иллюзии дома для тех, кто его лишен». И его взгляд... его тяжелый, серо-стальной взгляд, скользил по залу и раз за разом возвращался ко мне. Мне так, во всяком случае, казалось. Наверное, я просто придумывала, потому что сама не могла отвести от него глаз.

— Ты видела, как он на тебя смотрит? — прошипела на ухо моя подруга Катя, бесстыдно тыкая в меня локтем. — Ему явно нужна не иллюзия дома, а что-то более... осязаемое. И, кажется, он уже выбрал объект.

Я фыркнула, стараясь сохранить безразличный вид:

— Перестань. Ему лет сорок, не меньше. Что ему какая-то студентка?

— А что? Тебе уже восемнадцать! Ты взрослая женщина, можешь позволить себе такого мужчину. Представь, эти губы... эти руки... — Катя закатила глаза. — Он мог бы целовать тебя везде. И я уверена, он мастер своего дела.

— Заткнись! — засмеялась я, но щеки предательски запылали. Мысли, подстрекаемые ее словами, пустились в опасный и соблазнительный пляс.

Потом я отстала от группы и разглядывала макет его нового проекта: невероятно красивый, но холодный. Достала свой блеск для губ, решив немного «освежиться», и вдруг за спиной раздался низкий, бархатный голос, от которого по коже побежали мурашки.

— Нашли изъясн?

Я вздрогнула, чуть не уронив тюбик. Отвернулась. Он стоял так близко, что я почувствовала легкий шлейф его парфюма: дорогой, древесный, с холодной примесью чего-то неуловимого. Власти.

— Нет, — выдохнула я, заставляя себя встретиться с его взглядом. — Просто... много мрамора. Для «иллюзии дома».

Его губы тронула чуть заметная улыбка. Он наклонился ближе, будто в шумном зале было не слышать, и его дыхание обожгло мое ухо.

— Главное правило реальности – не запутаться в своих иллюзиях.

Он мягко вынул из моих пальцев тюбик с блеском. Его пальцы едва коснулись моих, и по руке пробежал ток.

— Ммм, а вот это... Уже не иллюзия, — он сделал легкий, почти неприличный вдох, приблизившись к моей шее. — Ваш аромат... Легкий. Цветочный.словно чистота. Вот он — реальный. Как и.. ты.

Он не просто сказал это. Он вдохнул его. Вдохнул меня. И в этот момент между нами проскочила та самая искра: ослепительная, жгучая, мгновенная. Химия, которую не объяснить. Мне показалось, что время остановилось.

Он выпрямился, еще раз окинул меня пронзительным взглядом, полным нескрываемого интереса, и... ушел. Просто развернулся и растворился в толпе, оставив меня одну с бешено

колоотящимся сердцем и смесью восторга и досады. Я смотрела ему вслед, кусая губы, и думала: «Вот черт... Ушел, даже имени не спросил».

А потом... спустя три недели моя мама, Ирина Леонидовна Бельская, последняя из аристократического, но безнадежно обедневшего рода, сияла, как новогодняя елка. Она устроила для меня сюрприз в гостиной нашей родовой усадьбы, которая, как я вскоре узнала, уже была выставлена на продажу.

— Мира, дорогая! Познакомься, это Виктор Сергеевич Штерн. Мой будущий муж.

Мир рухнул. Просто взял и разлетелся на миллион острых осколков. Он стоял там, все такой же безупречный и холодный, и смотрел на меня незнакомым, отстраненным взглядом. И я все поняла. Слишком все поняла.

Та «случайная» встреча на конференции... Она не была случайной. Его взгляд, который я приняла за молниеносное взаимное притяжение, был всего лишь поиском цели. Оценкой. Разведкой. А теперь он смотрел на меня не как на постороннюю, а как на часть сделки, которую только что заключил с моей матерью. Я была разменной монетой в их игре, и это осознание жгло сильнее любого унижения.
А может, та искра и была настоящей? Но он, прагматик до кончиков пальцев, просто задавил ее в себе, увидев в моей матери более выгодную инвестицию. И это было еще большим предательством. А я, глупая, приняла циничный расчет за искру страсти.

И я.. я была всего лишь помехой. Неудобным довеском, который мешался под ногами на пороге их новой жизни. Нашу усадьбу продавали: так мать вносила свою долю в этот брак, последний козырь из колоды обедневшей аристократки.

Ее фамилия, ее связи открывали ему двери, в которые не стучались даже его деньги. А мне, студентке-бюджетнице, было просто некуда вернуться после летней сессии. Мать, освобождая территорию для своей новой жизни, даже не подумала, где я буду жить.

И, возможно, именно Виктор, чувствуя опасность того влечения, что проскочило между нами, настоял на моем «добровольном» переезде. Он финансировал мою съемную квартиру. Для них это была логичная сделка: убрать потенциальную проблему. Для меня – изгнание.

В тот день я разорвала отношения с матерью. В тот день я поклялась ненавидеть Виктора Штерна вечно.

Потому что он был первым мужчиной, который заставил мое сердце биться чаще. И тем, кто растоптал это чувство в прах, превратив в разменную монету в своей деловой игре. Он заставил меня почувствовать себя желанной, а после – наивной дурочкой, которой заплатили за то, чтобы она просто исчезла. Ненавидеть его было так же естественно, как дышать – это была единственная защита от стыда и боли, которые разрывали меня изнутри.

Я была так наивна. Я еще не знала, что ненависть – это всего лишь обратная сторона влечения. И что наша история только начинается.

Глава 1

(Мирослава. Сейчас)

Стук в дверь бывает разным. Тот, что раздается сейчас, — точный и тяжелый, будто выносят приговор.

Я все еще сжимаю в руке телефон, мысленно репетируя оправдания для хозяйки квартиры: «Мария Ивановна, я буквально через неделю... Мне вот-вот перезвонят с собеседования...» Но, видимо, разговоры ей надоели. Стук становится громче, нетерпеливее, вот-вот перейдет в глухой удар плечом. Хотя ключи-то у нее есть... Я перестаю соображать. Запихиваю телефон в задний карман джинс и бросаюсь открывать.

На автомате ловлю свое отражение в зеркале: худая, не выпавшаяся, в поношенном свитере. Волосы цвета темного меда собраны в небрежный пучок, из которого выбиваются пряди. Открываю, не глядя в глазок.

И замираю.

В дверном проеме — Егор. Не призрак из кошмаров, а живой, из плоти и крови. Высокий, с короткой тюремной стрижкой, подчеркивающей грубые черты лица. Его спортивное телосложение, которое когда-то казалось привлекательным, теперь проступало какой-то силовой грубостью, как у вымученного качка. Яркий брендовый костюм и кричащие кроссовки выглядели на нем как неудачный маскарад, попытка натянуть на себя чужую, благополучную кожу.

Всего три года назад он загремел за решетку... а уже здесь. Мысль: «Он вышел по УДО» бьет, как током.

— Скучала, стерва? — его голос груб, как наждак.

Я не успеваю закрыть дверь. Он входит без приглашения, захлопывает ее с таким грохотом, будто это крышка гроба. Его взгляд скользит по картонным коробкам — я уже начала собирать вещи перед выселением — и по моему свитеру с немим презрением.

— Три года, Мира. Три года в душной камере вместо того, чтобы деньги делать, — он приближается, и по спине бегут мурашки. — Из-за тебя. Из-за той дурацкой драки в баре. Помнишь? Теперь ты мне должна. Пять лямов. Или... — его глаза скользят по моей фигуре, — отработаешь по-другому. Выбирай.

Тошнота подкатывает к горлу. Всплывает картина из прошлого: душный бар, его пьяный крик, рука, занесенная надо мной. Незнакомец, который вступился. Вспышка ярости, с которой Егор набросился на него... Сломанные кости, разгромленный бар. Четыре года. Суд дал ему четыре, и я выдохнула, решив, что у меня впереди годы спокойной жизни. Вычеркнула его, как позорную главу, не навещала, не писала. Была уверена: он отсидит весь срок. Как же я ошибалась. Теперь он здесь и искренне верит, что я во всем виновата.

Его руки — не прикосновение, а капкан. Грубо, с размаху, он хватается меня за плечи и швыряет о стену. Воздух вышибает из легких.

— Три года, стерва... Три года я в камере на нарах лежал и думал, как приду и.. — его дыхание перехватывает от ярости. — Как вдую тебе по самое «не хочу».

Его ладонь тяжело ложится на грудь, прижимая меня к шершавой штукатурке. Пальцы впиваются в кожу даже через свитер. Больно. От него несет тюремной казенкой, дешевым табаком и потом: запахом тех самых нар, на которых он обо мне мечтал.

Лицо приближается, губы растягиваются в ухмылку. Я отворачиваюсь, щекой прижавшись к холодной стене.

— Всю отсидку только о тебе и думал... Как ты у меня на коленках... Как эти губки... — он грубо проводит большим пальцем по моим губам, пытаясь развернуть меня к себе.

Его ручища захватывает подбородок. Дыхание, пахнущее перегаром и злобой, обжигает щеку.

— ...будут мне сосать, как шлюха последняя.

От одной мысли о его прикосновениях подкатывает тошнота. Горло сжимается. Сквозь ужас пробивается отчаянная идея.

— Подожди... — сдавленно вырывается у меня. — Дай хоть помыться. Я с улицы... Вся...

Пытаюсь выскользнуть, но он сильнее вжимает меня в стену, всем телом прижимая так, что чувствую каждую мышцу.

Он отступает на шаг, но взглядом пожирает меня.

— Привередничаешь? Ну ладно. Сделаю тебе одолжение, принцесса. Мойся. Но быстро.

Я юркаю в ванную, захлопываю защелку. Сердце колотится. В ушах звон. Руки трясутся. У меня есть минута, не больше. Телефон чудом не выпал из кармана: мое единственное спасение.

Судорожно вытаскиваю его. Куда звонить? В полицию? Объяснять долго, а потом будет только хуже. В голове всплывает одно имя. Единственное, чья власть и связи абсолютны. Чья сила может сравниться с силой этого животного за дверью.

Штерн.

Листаю контакты. Его номер все еще там, с тех пор, как он дал его мне «на крайний случай», холодно бросив: «Звони, если будет трудно». Больше никому. Набираю.

Трубку снимают на первом же гудке.

— Алло? — голос собранный, ровный. Я чувствую, как он на том конце провода замер.

— Виктор... — срывается шепот, полный слез и паники. — Он здесь... Егор... Вышел... В квартире...

И тут же мысленно костерю себя: «Господи... Откуда Виктору знать, кто это? Говорю, словно он в курсе всей моей жизни...»

В трубке – секунда молчания. Затем его голос, низкий, густой, сдавленный. Знакомый, каким я смутно помню его с тех редких встреч пять лет назад, но теперь в нем – сталь и ярость.

— Адрес? Улица Вересовая, 15? Квартира 24?

Киваю, забыв, что он не видит, и выдавливаю:

— Да...

Откуда он знает адрес моей съемной квартиры?

— Выезжаю.

Больше ни слова. Только короткий щелчок отключения.

Замираю, прижав беззвучный телефон к груди. В звенящей тишине нарастают другие звуки: те, что отрезают путь к отступлению.

Тяжелые, уверенные шаги за дверью. Оглушительный удар. Дерево трещит.

— Мирослава! Открывай, сука! С кем это ты шепчешься?!

Удар. Еще удар. Защелка срывается с петель с сухим хрустом. Дверь с грохотом отлетает, и на пороге, затмевая свет, стоит Егор. Его глаза – щелочки бешенства. Он видит телефон в моей дрожащей руке.

— Ах ты, шлюха... Ментам звонишь? Или своему дружку? — он в два шага преодолевает расстояние, его рука, как клешня, впивается в запястье. Боль пронзает до кости. Он рывком поднимает меня на ноги, прижимает лицом к холодному кафелю. — Я тебе, мразь, покажу... Из-за тебя мотал срок! А ты тут, на свободе, ноги перед всеми раздвигала!

Его ладонь со всей силы бьет по лицу. В глазах темнеет. Кожа горит. Плачу, закрываюсь руками, сползаю по стене. Он склоняется надо мной, его дыхание, как у зверя.

— А теперь, стерва, отработывай. Будешь у меня сосать, пока не подавишься...

Он рывком расстегивает ширинку. Ужас, острый и животный, подбрасывает меня, словно током. Рывком отползаю на карачках по скользкому кафелю, к углу, подальше от него. Бесплезно.

— Куда, шлюха?! — его рука, как капкан, впивается в лодыжку и резко тянет на себя. Вскрикиваю, пытаюсь уцепиться, но пальцы скользят по гладкому. Он переворачивает на спину, своим весом прижимает к полу, его лицо нависает надо мной, заливая все поле зрения. Зажмуриваюсь, готовясь к худшему.

В этот момент из прихожей раздается оглушительный, сухой треск. Дверь, не запертая на замок, с силой распахивается, и створка с размаху бьется об стену.

Егор замирает на мне, тело напрягается. Глаза, секунду назад мутные от похоти, теперь мечут молнии. Его хватка ослабевает.

А я, запрокинув голову, вижу.

В проеме, заполняя его собой, стоит Виктор.

Высокий, в идеально сидящем темном пальто, с лицом, высеченным из льда и гранита. Его взгляд, холодный и безжалостный, как лезвие, скользит по моему заплаканному лицу, по щеке, на которой уже пышет жаром будущий синяк, по моему телу, распластанному на полу под ним... и медленно, неотвратно переводится на Егора.

И в его глазах, в этой всесокрушающей тишине, я читаю все. Не просто гнев. Не просто ярость. Это приговор.

Глава 2

(Мирослава)

Виктор.

Вот он, в двух шагах от меня.

Он не кричит, не суетится. Он просто стоит, заполняя собой все пространство. Его лицо словно высечено из льда, ни единой эмоции. Но глаза... Его серо-стальные глаза, те самые, что когда-то обжигали обещанием, теперь прожигают насквозь холодным пламенем чистого, безжалостного гнева. Его взгляд скользит по убогой картине, и в звенящей тишине я слышу, как рушится мир Егора.

— Слезай, — говорит Виктор. Голос негромкий, но такой плотный и тяжелый, что слова вдавливаются в реальность, становясь законом.

Егор медленно, с глухим, угрожающим ворчанием приподнимается, но не отступает. Его поза кричит о вызове, плечи напряжены, кулаки сжаты.

— А ты кто такой, а? — его голос, хриплый и наглый, режет тишину. — Откуда взялся, мужик? Че тебе надо? Это мои разборки, вали отсюда!

Виктор игнорирует его, будто не слышит лая собаки. Его взгляд на секунду задерживается на мне.

— Иди в машину, — его голос отсекает все вопросы. Четко. Твердо. Без вариантов.

Я отползаю, цепляясь скользкими пальцами за швы кафеля, забиваюсь в угол. Дышу прерывисто, рывками, сердце колотится где-то в горле, готовое выпрыгнуть. Мозг отказывается работать. «Машина? Какая машина?» Я не понимаю. Все во мне онемело, разбито.

— Иди в машину! — он повторяет, и это уже не приказ, а раскатистый рык, от которого вздрагиваю я и даже Егор. — Быстро! Вниз! К черному автомобилю!

Этот клич, этот удар голоса вышибает меня из ступора. Двигаюсь на автомате. Подхватываю с пола телефон, чуть не роняя его от дрожи в руках. Пулей вылетаю из ванной, на ходу срываю с вешалки куртку и сумку. На мгновение, уже в прихожей, мой взгляд скользит к Виктору... и встречается с его. Всего на долю секунды.

В его глазах нет утешения, нет жалости. Только стальная решимость и та самая власть, что заставила когда-то трепетать неопытную студентку. И сейчас она действует: я чувствую прилив странной надежды.

— Э, куда, шмара?! — позади раздается хриплый вопль. Егор приходит в себя, видя, что добыча уходит. — Я тебя спрашиваю, ты кто такой?! Че лезешь, бля?!

Его голос громкий, наглый, пропитанный той самой тюремной бравадой, что должна вселять страх. Но на Виктора она не действует. Он даже не удостоивает его ответом. Просто делает один, плавный шаг вперед, заслоняя собой проход.

Я уже у двери. Срываю с вешалки куртку, хвата сумочку. Оборачиваюсь в последний раз и успеваю увидеть: Виктор, движением быстротечным и невероятно точным, наносит удар кулаком в солнечное сплетение Егора. Тот не кричит, не издает ни звука. Просто складывается пополам, как перочинный ножик, и с глухим стоном оседает на пол, давясь рвотными позывами.

И тут же, едва не сбив меня с ног, в квартиру входят двое. Высокие, плечистые, в черных спортивных костюмах, с лицами, не обещающими ничего хорошего. Один из них молча, но с силой, захлопывает дверь, отрезая меня от кошмара, который теперь остался там, за тонкой преградой дерева.

Передернувшись от волны жуткого отвращения, я вылетаю на лестничную площадку и пулей несусь вниз по ступенькам.

Холодный ночной воздух снаружи обжигает разгоряченную кожу. Я останавливаюсь, опираясь о холодный металл двери черного внедорожника, стоящего у самого подъезда. Дышу, как загнанная лошадь, пар вырывается из легких белыми клубами. Прижимаю сумку к груди, словно это единственная ниточка, связывающая меня с реальностью. Смотрю на темную дверь подъезда. Жду. Сердце колотится в унисон с одной мыслью: «Что там? Что они с ним делают?»

Мысли путаются. Этот человек... Виктор... Он появился. Он спас меня. Но по его лицу, по его глазам, я читала не просто помощь. Я читала приговор. И для Егора, и.. возможно, для меня. Я сбежала от одного монстра, чтобы броситься в лапы к другому? Нет, он не монстр. Он – буря. Холодная, неумолимая, но... управляемая.

Дверь подъезда открывается, и я вздрагиваю, вжимаясь в дверцу машины. Наружу выходит Виктор. Один. Он поправляет манжет пальто, его движения спокойны и выверены. Он не выглядит так, будто только что участвовал в драке. Он выглядит так, будто провел деловую встречу.

Я заглядываю ему за плечо, ожидая увидеть Егора: избитого, связанного, в сопровождении тех двоих. Но за Виктором – никого. Только тишина и темнота подъезда.

По телу пробегает ледяная волна страха. Страх перед неизвестностью, перед тем, что осталось там, за закрытой дверью моей бывшей квартиры.

— А что вы... — мой голос – хриплый, дрожащий шепот. — Что с ним... Вы его...?

Виктор останавливается передо мной. Его взгляд тяжело ложится на мое лицо, на синяк, который наливался жаром. Он не отвечает на мой вопрос. Вместо этого его рука с железной, но не грубой силой охватывает мой локоть и отодвигает от машины.

— Я сказал сидеть в машине, — его голос тих, но в нем звенит сталь.

— Но...

— Никаких «но», девочка, — он перебивает меня, и в его тоне звучит что-то окончательное, не терпящее возражений. Он открывает пассажирскую дверь. — Ты позвонила мне, значит, принимаешь мои правила.

От этих слов по спине бегут мурашки. «Мои правила». Какие правила? Цена спасения? Я чувствую, как проваливаюсь в новую ловушку, но сейчас это кажется единственным безопасным местом.

Он буквально заталкивает меня на переднее сиденье. Запах дорогой кожи, чистоты и его едва уловимого парфюма бьет в нос, вызывая странное головокружение. Он обходит капот, садится за руль, поворачивает ключ зажигания. Двигатель заводится с тихим, мощным рычанием.

Я снова поворачиваюсь к подъезду, не в силах выбросить из головы образ Егора. Ловлю взгляд Виктора. Он уже смотрит на меня, ожидая этого вопроса. Я открываю рот, но он опережает меня.

— Он теперь не твоя проблема, — произносит он ровным, бесстрастным тоном, выводя машину со двора. Затем его голос приобретает оттенок, от которого замирает сердце. — Но теперь ты будешь должна мне...

Глава 3

Двигатель рычит почти беззвучно, унося нас от того кошмара. Я сижу, вжавшись в кожаную спинку сиденья, сжимая сумку так, что костяшки пальцев белеют. Паника, густая и липкая, никуда не ушла. Она заполняет салон, смешиваясь с запахом его парфюма и кожи. В ушах все еще звенит.

Пальцы сами собой тянутся к щеке, касаются горячей кожи: там, где остался след от ладони Егора. Резкий, унижительный отпечаток. Я опускаю руку, пряча ее в складках свитера. Стыд обжигает изнутри, жарче любого синяка. Стыд, что он видит меня такой: избитой, униженной, испуганной до полусмерти.

«Должна мне».

Эти слова висят в воздухе, тяжелые и многозначительные, перекрывая даже стыд. Что он имеет в виду? Деньги? Услугу? Что-то еще, о чем я боюсь подумать? А мои вещи? Все, что у меня есть, осталось в той квартире. Куда он меня везет? В голове роится туча вопросов, но сквозь него прорывается один, самый насущный, рожденный холодным ужасом осознания.

Я поворачиваю голову, преодолевая оцепенение. Смотрю на него. На профиль, освещенный мерцанием уличных фонарей.

— Откуда ты знал адрес моей квартиры? — мой голос звучит хрипло, будто я всю ночь кричала.

Он не поворачивается, его внимание приковано к дороге, но я вижу, как напряглась его челюсть.

— Я никогда не терял тебя из виду, Мирослава, — его голос ровный, без единой ноты эмоций. — Я всегда знал о тебе все.

От этих слов по коже бегут ледяные мурашки. Не потерял из виду. Всегда знал. Это не забота. Это наблюдение. Контроль.

— И про Егора? — вырывается у меня шепотом. — Ты знал, что он вышел?

— И про него.

— Но зачем? — голос срывается, в нем звучит отчаянная, уставшая нота. — Зачем тебе это было нужно? Ты ведь счастливо женат, разве нет?

Губы Виктора трогает короткая, едкая усмешка, лишенная всякой теплоты. Он бросает на меня быстрый, оценивающий взгляд, в котором читается что-то сложное: раздражение, превосходство, возможно даже усталая насмешка над моей наивностью.

— Ты задаешь слишком много вопросов, для той, которая только что висела на волоске от весьма неприятного конца, — отрезает он, возвращая взгляд на дорогу. — Все, что тебе нужно знать сейчас — это то, что ты в безопасности. Пока что.

Он не удостоивает меня ответом. Снова эта стена, холодная и непреодолимая. Я отворачиваюсь к окну, давясь комом обиды, страха и странного, непрошенного облегчения. Да, он монстр. Но сегодня он — монстр, который спас.

Я украдкой изучаю его. Прошло пять лет. И он изменился. Но, к моему удивлению и собственному стыду, время не было к нему жестоко. Скорее наоборот. Серебристые нити на висках лишь подчеркивают густоту темных волос. Новые морщинки у глаз и у рта — не следы усталости, а отпечаток постоянной сосредоточенности, привычки сжимать челюсти и не показывать своих мыслей. Он выглядит... тверже. Острее. Еще более собранным и опасным. И от этого его притягательность, та самая, что свела меня с ума в восемнадцать, не исчезла. Она созрела, как хорошее вино, став глубже, сложнее и еще более запретной.

Машина плавно останавливается у подъезда высотного элитного дома, чей стеклянный фасад упирается в ночное небо. Без единого слова он выходит, и я, повинувшись его безмолвному

приказу, следуя за ним. Холодный мрамор вестибюля, почтительный кивок швейцара, и вот мы в лифте.

Двери с тихим шипением закрываются, отсекая нас от внешнего мира. Замкнутое пространство наполняется гулкой тишиной, в которой мое дыхание кажется неестественно громким.

Я прижимаюсь спиной к холодной стене, стараясь занять как можно меньше места. Он стоит ко мне боком, глядя прямо перед собой на блестящие двери. Я чувствую его тепло, слышу ровное, спокойное дыхание. Воздух густеет, насыщаясь невысказанным.

Мой взгляд снова, против моей воли, прилипает к нему. К его сильным рукам, опущенным вдоль тела, к линии плеч, к резкому профилю. Ненависть, которую я лелеяла все эти годы, вдруг дает трещину. Ее подтачивает благодарность за спасение и... и предательское воспоминание о той искре, что проскочила между нами когда-то. Что, если она не была иллюзией? Что, если он просто похоронил ее глубже, чем я свою ненависть?

Он поворачивает голову, и его взгляд ловит мой. Серо-стальной, пронзительный, видящий насквозь. В нем нет ответов, только вопросы, которые я боюсь задать самой себе.

Я чувствую, как кровь приливает к лицу, и спешно опускаю глаза, сжимая ремешок сумки. Что он хочет за свою помощь? Какой будет цена моего спасения? «Ты будешь должна мне...» Эти слова эхом отдаются в тишине моего разума.

Я собираюсь с духом, чтобы спросить, потребовать ясности, но в этот момент лифт бесшумно останавливается.

Легкий шелест, и двери плавно разъезжаются.

Я поднимаю взгляд и... замираю.

Глава 4

Я застываю в дверях, и все мое внимание прилипает к этой чертовой прихожей. Огромная, залитая приглушенным светом, и пахнет... ничем. Как в стерильной лаборатории или в музее, где ничего нельзя трогать.

Ирония, острая и едкая, подступает к горлу, перехватывая дыхание. Вот он. Тот самый пентхаус, та самая «иллюзия дома», о которой он когда-то вещал с трибуны. Сюда моя мать так отчаянно стремилась, ради этого она продала нашу усадьбу, наш настоящий дом с его скрипучими половицами и пахнущими стариной книгами. Продала и себя, и наше прошлое. И вот он, ее триумф: сияющие этажи над всем городом. А я? Я стою на его пороге. Не как желанная гостя, а как... что? Невольница? Просительница? Должник, которого привезли для объявления приговора в самое сердце лагеря врага.

Это какая-то уродливая насмешка судьбы. Я проиграла все, но все же ступила на эту территорию, куда она, его законная жена, имеет полное право. Сейчас из какой-нибудь комнаты выйдет она, ухоженная, сияющая, в дорогом халате, и увидит меня здесь: в старом свитере, с синяком на щеке и долгом, размеры которого даже не могу представить. Картина моего полного поражения будет окончательной.

Сжав сумку в белых костяшках, я делаю шаг внутрь. Пол – полированный бетон, холодный даже через подошву кроссовок. Воздух чист, в нем нет ни пылинки, ни запаха. Только едва уловимый шлейф его парфюма: древесины, кожи и чего-то металлического.

С вызовом, будто бросая перчатку невидимому противнику, я осматриваюсь. Жду, что вот-вот увижу следы матери. Ее кричащие шарфы, ее безвкусные, но дорогие безделушки на этих стерильных полках, ее духи, которые всегда пахли слишком сладко и должны были перебить его холодный аромат.

Но ничего.

Вообще ничего.

Пространство передо мной – огромная гостиная-студия с панорамными окнами, в которых горят огни ночного города. Миллиарды огоньков, как слепки далекой, чужой жизни. Мебели минимум: низкий диван угольно-серого цвета, пара brutальных кресел из стали и кожи, металлический стол. Ни ковров, ни картин, ни фотографий. Ничего лишнего, ничего, что говорило бы о душе обитателя. Абсолютно мужское, стерильное, почти враждебное в своей безупречности. Ни единого намека на женщину.

Это сбивает меня с толку. Где она? Где ее вещи? Ее присутствие? Или... или ее победа была настолько пустой, что он даже не позволил ей оставить здесь след? Словно она была временным декором, который убрали за ненадобностью.

Виктор проходит мимо меня, его пальто уже снято. На нем темные брюки и просторная рубашка с закатанными до локтей рукавами. Он движется к мини-бару, встроенному в стену, и наливает в тяжелый бокал что-то янтарное, не предлагая мне.

— Садись, — его голос режет тишину, возвращая меня к реальности.

Я не двигаюсь с места, прижавшись спиной к холодной стене у входа. Я все еще в своем старом, поношенном свитере и джинсах, вся перемазанная пылью и страхом с той проклятой квартиры. Я чувствую себя грязным пятном на этом безупречном полу.

— Где моя мать? — срывается у меня. Вопрос, который я не планировала задавать первым.

Он отпивает, не глядя на меня.

— В моем доме. На Приморском. Мы не живем вместе.

От этих слов земля уходит из-под ног. Все эти годы... все эти годы я ненавидела их обоих, представляя их здесь, в этой роскошной клетке с видом на реку, счастливыми и довольными за счет моего изгнания. А оказывается...

— Почему? — выдыхаю я.

Он наконец поворачивается ко мне. Его взгляд, тяжелый и усталый, скользит по моему лицу, по синяку, задерживается на моих спутанных волосах.

— Это не имеет к тебе никакого отношения. Твои проблемы лежат в другой плоскости.

Он ставит бокал. Звук отдается гулким эхом в пустом пространстве.

— У тебя долги. Значительные. Тебя выселяют. Ты без работы. И, судя по сегодняшнему визиту, у тебя появились весьма опасные знакомые из прошлого.

Каждое его слово – как удар хлыста. Он знает. Все. Абсолютно все. Про мои наивные микрокредиты, которые я брала, пытаясь выжить после университета, когда кризис в туризме выкинул меня на улицу. Про новые долги за съемную квартиру, где я уже несколько месяцев платила только часть, а хозяйка грозила выкинуть мои вещи на улицу. Про то, что даже мои жалкие подработки официанткой и репетитором не спасали: денег хватало только на еду и часть коммуналки. И про то, как я не могла унизить себя до просьб к матери, зная, что та либо прочтет нотацию, либо, что унизительнее в сто раз, побежит к нему. К Виктору. К последней инстанции в моем рухнувшем мире.

Я молчу, сжав зубы. Гордость, вся израненная, но еще живая, не позволяет мне оправдываться.

— Я могу решить твои проблемы, — говорит он, подходя ближе. Его шаги неслышны на полированном бетоне. — Все. Долги. Жилье. Работа. Безопасность.

Он останавливается в двух шагах. Я чувствую его тепло, вдыхаю его запах. Тот самый, что когда-то сводил меня с ума. Он пахнет властью и ценой.

— Но с этого момента, — его голос низок и неумолим, — ты принимаешь мои правила. Без обсуждений. Без возражений. Ты живешь там, где я скажу. Работаешь там, где я поставлю. И общаешься только с теми, с кем я разрешу.

Я смотрю на него, в его серо-стальные глаза, в которых нет ни капли жалости, только холодная, безжалостная прагматика. Это не предложение. Это – поглощение. Такое же, как и пять лет назад. Только теперь он покупает не фамилию, а меня. Целиком.

— Почему? — снова шепчу я, чувствуя, как подкашиваются ноги. — Зачем тебе это? Зачем я тебе?

Его губы тронула та же едкая, безрадостная усмешка, что и в машине.

— Ты позвонила мне, Мирослава. Не в полицию. Не подруге. Мне. Ты сделала свой выбор. Теперь пожинаешь последствия.

Он поворачивается, чтобы уйти, оставляя меня в центре этой стерильной, огромной комнаты, наедине с приговором.

— А что... что будет, если я откажусь? — бросаю я ему в спину, уже зная ответ.

Он останавливается, не оборачиваясь.

— Тогда ты возвращаешься туда, откуда пришла. К долгам, к выселению, и, полагаю, к очень скорому новому визиту твоего друга. Моя защита на тебя распространяться не будет.

В его голосе нет угрозы. Только констатация факта. У меня нет выбора. Не было его с того момента, как я набрала его номер.

— Хорошо, — выдавливаю я, и это слово обжигает горло, как яд.

Он кивает, будто и не ожидал иного.

— Комната на втором этаже. Ванная рядом. Там найдешь все необходимое.

И он уходит, его фигура растворяется в темном проеме коридора, оставив меня одну в сияющей, безупречной тюрьме, которую моя мать так и не смогла назвать своим домом.

Я медленно сползаю по холодной стене на пол, прижимаю колени к груди и закусываю губу, чтобы не закричать. Ненависть, страх, унижение и какое-то искаженное, извращенное облегчение – все это кружится во мне вихрем.

Я спасена. Но какой ценой?

Глава 5

Сиди не сиди, а новую реальность приходится принимать. Как есть. И надо отдать Виктору должное: примчался он практически мгновенно, не требуя разъяснений по телефону. Пришел и... заявил права? Взял под опеку? Или... Не знаю. Интересно, что они там с Егором сделали? Врезали еще раз для порядка и отпустили с миром? Или... Нет. Лучше не думать. Не сейчас. Не потом. Вообще никогда.

Единственное, что меня сейчас гложет, — я сбежала из той квартиры, как крыса с тонущего корабля, не заплатив Марии Ивановне за последние два месяца. В залог остались мои вещи. Ну и черт с ними. Что там ценного? Старый ноутбук, который вот-вот развалится, пачка футболок и джинсов. Разве что... та старая книжка с блошиного рынка, про путешествия по Италии. Моя маленькая, глупая мечта, до которой теперь как до Луны.

С трудом поднимаюсь с пола. Ноги ватные, все тело ноет. «Комната на втором этаже», — сказал он. Поднимаюсь по лестнице, та же история: холодный мрамор под ногами, стерильные белые стены, никаких украшений. Ни уюта, ни души. Как в гробнице фараона, только с панорамными окнами.

Наверху коридор, освещенный скрытой подсветкой. Две одинаковые белоснежные двери друг напротив друга. Какая моя? Решаю методом тыка. Коротко выдыхаю, перекидываю сумку в другую руку и обхватываю прохладную латунную ручку. Нажимаю. Дверь поддается бесшумно.

Комната... не похожа на гостевую. Огромная кровать с темным деревянным изголовьем, строгий гардероб из черного матового металла, на прикроватной тумбе часы и сложенный планшет. Ничего лишнего. Воздух пахнет им: тем же древесным парфюмом с холодной ноткой. И только сейчас до меня доходит: это его спальня.

— Моя спальня, — раздается сзади низкий голос. — Твоя дверь напротив.

Я взвизгиваю и подпрыгиваю на месте, обжигаясь краской стыда. Оборачиваюсь. Он стоит в двух шагах. Подошел совершенно бесшумно.

— Простите, я... я не туда... — лепечу я, утыкаясь взглядом в пол.

— Не страшно, — его тон ровный, без раздражения. Он указывает подбородком на дверь напротив.

Я пулей выскальзываю из-под его взгляда и ныряю в указанное убежище, захлопывая за собой дверь. Шумно перевожу дыхание и обвожу взглядом пространство.

Комната... такая же просторная и безликая, как и все здесь. Большая кровать с нейтральным бельем, пустой шкаф, свой санузел. Ни картин, ни цветка в вазе. Но по крайней мере, здесь нет его подавляющего присутствия. Относительно безопасно.

Мне нужно смыть с себя этот день. Смыть прикосновения Егора, его запах, его дыхание на своей коже. Смыть пот страха, что покрывал меня в машине, когда я сидела рядом с Виктором, и меня бросало то в жар, то в холод. Чувствовать себя грязной — это невыносимо.

Прислушиваюсь. В доме гробовая тишина. Крадусь по коридору. Ванная комната, как он и сказал, дальше. Огромная, отделанная темным камнем, с душевой кабиной во всю стену. И снова ни намек на женщину. На полочке только мужской гель для душа и шампунь с резким, бодрящим ароматом. Ни женского крема, ни случайно забытой помады. Ничего. Мать здесь и правда не бывает. Вообще.

Скидываю с себя грязную, пропахшую страхом одежду и засовываю ее в корзину для белья. Стою под почти кипятком, пока кожа не становится красной, а вода, стекающая с тела, не становится чистой. Заворачиваюсь в огромный махровый халат. Он пахнет им: тем же парфюмом, что и вся его спальня. Чужой, подавляющий запах.

Выхожу из ванной, все еще неся на себе этот аромат, и замираю. Дверь в его спальню приоткрыта. Оттуда доносится его голос. Холодный, деловой, без единой эмоции.

— Да, Ирина?.. Нет, сейчас неудобно... Документы отправь почтой. Электронной... Это не обсуждается. Все.

Ирина... Имя повисает в воздухе, обжигая. Значит, это с ней. С моей матерью.

Я застываю в коридоре, не в силах пошевелиться. И это их брак? Так они общаются? Как коллеги, решающие бюрократический вопрос; как с назойливым секретарем, отвлекающим от важных дел? В его голосе нет ни капли тепла, ни раздражения, ничего. Пустота.

И в этот момент он появляется в дверном проеме, телефон все еще в руке. Его взгляд падает на меня, замершую в его халате, с мокрыми волосами. Я вижу, как его глаза на мгновение сужаются, оценивающе скользя по мне. Я пытаюсь рвануться к своей комнате, но он останавливает меня одним словом, произнесенным тихо, но железно:

— Стой.

Глава 6

Он делает шаг вперед. Я замираю, прижимая полы халата к горлу. Его парфюм, ввевшийся в ткань, смешивается с резким ароматом его геля на моей коже: я теперь вся пропахла им, и этот обволакивающий шлейф вызывает ненавистное себе самой смутное волнение. Я только что смыла с себя весь тот ужас, всю грязь, а теперь ношу на себе его запах, как клеймо.

Он подходит так близко, что я чувствую исходящее от него тепло и вижу тень усталости в глазах, которую не разглядишь с расстояния.

— Больше никогда не заходи в мою спальню без приглашения, — его голос тих, но каждое слово отчеканено. Пальцы касаются воротника моего халата — его халата — и поправляют его с медленной, почти интимной точностью. — Поняла?

Я могу только кивать, задыхаясь. Это не просто правило. Это установление границы, которую он провел, но которую сам же только что нарушил этим прикосновением. Он дает понять: дистанцию определяю я. Близость позволяю я. Даже твой испуг и твое смущение принадлежат мне.

— Завтра, — продолжает он, не отводя руку, — начнется твоя новая жизнь. Но для этого... Спустишься вниз через полчаса. Курьер привезет тебе одежду.

Одежду? Значит, все-таки забрали мои вещи из старой квартиры? В голове мелькает слабая надежда на что-то знакомое, свое. Хотя бы смена белья... Шкаф в моей новой комнате пуст, и мысль о том, чтобы снова надеть то, в чем меня чуть не изнасиловали, вызывает тошноту.

— Новую, — добавляет он, словно читая мои мысли. — Все, что у тебя было, осталось там.

Новую. От этого слова становится одновременно легче и... страшнее.

— Вы купили мне одежду? — голос звучит хрипло. — Не посоветовавшись со мной?

— Это не требуется. Ты будешь носить то, что я скажу. Это входит в те правила, которые я огласил ранее.

Вот так просто. Мое тело, мой выбор — уже не мои.

— Я не кукла, которую можно наряжать по своему усмотрению! — вырывается у меня, и гнев на секунду пересиливает страх. — У меня есть свой вкус!

— Твой вкус оставил тебя без гроша в кармане и привел в ту самую квартиру, — его тон ледяной, безжалостный. — Мои правила. Мой вкус. Привыкай.

— А что дальше? Будешь решать, что мне есть и с кем разговаривать? — я почти кричу от бессилия. — Или, может, расскажешь, почему твое «всевидящее око» сработало только сегодня? Ты же «всегда знал обо мне всё»! Ты знал, что я ушла с той первой квартиры, которую ты снял! Значит, видел, как я скатываюсь на дно. Почему не остановил тогда? Или тебе было выгодно дожидаться момента, когда я буду настолько сломлена, что соглашусь на любые твои условия?

Его лицо не дрогнуло, но в глазах что-то мелькнуло: не гнев, а что-то более сложное. Холодное удовлетворение?

— Я не благотворительный фонд, Мирослава, — произносит он тихо. — Я дал тебе шанс. Ты выбрала гордость. Гордость — это роскошь, которую могут позволить себе сильные. Или те, кому есть что терять. У тебя не было ни того, ни другого. Просто ты отказывалась это признавать. Теперь — признаешь. Идеальный момент для вмешательства наступает не тогда, когда человек падает, а когда он достигает дна и понимает, что выбраться самостоятельно уже не может. Ты позвонила. Значит, дно достигнуто. Мои условия — единственная лестница. Будешь ею пользоваться или предпочтешь остаться в грязи?

Его слова бьют с такой силой, что я инстинктивно отшатываюсь, будто от пощечины. Резкое движение, порывистый жест, и пояс халата, и без того плохо завязанный, развязывается.

Полы тяжелой ткани распахиваются, и холодный воздух комнаты обжигает голую кожу. На секунду, всего на одну ужасающую секунду, я стою перед ним совершенно обнаженная.

В глазах темнеет от шока и жгучего стыда. Я судорожно запахиваю халат, чувствуя, как все лицо заливают огненная краска. Но я успела увидеть. Успела заметить, как его взгляд на мгновение изменился.

Я не помню, как оказалась в своей комнате. Просто рванулась с места, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, словно могла таким образом отгородиться от него и от собственного позора. Сердце колотилось где-то в горле.

И только спустя несколько минут, оттолкнувшись от двери, я подошла к огромному окну, глядя на огни ночного города. Он видел. Видел меня всю. И этот его взгляд... в нем не было простого одобрения хозяина. Там была та самая, запретная искра, которая обожгла меня тогда и обожгла сейчас. И теперь я понимаю: его правила, его власть – все это лишь рамки, призванные обуздать ту самую первобытную силу, что сильнее его расчетов и моей ненависти. И от этой мысли становится страшнее всего.

Ровно через тридцать минут, все так же кутаясь в его халат, словно в доспехи, я спускаюсь вниз. В гостиной у дивана стоят несколько больших коробок и бумажных пакетов от брендов, названия которых я раньше видела только в глянцевых журналах. Курьер уже ушел. Виктор сидит в кресле, в руках у него бокал с виски. Он молча наблюдает, как я подхожу.

Сдерживая дрожь в руках, я начинаю распаковывать. Платья. Костюмы. Брюки. Дорогие, безупречно скроенные, ткани, которые шелестят под пальцами. Все это стоит больше, чем я зарабатывала за полгода. Но от этого не становится легче. Я чувствую себя неловко.

И потом мои пальцы натыкаются на маленькую, изящную коробку. Открываю. Внутри, на черном шелке, лежит комплект нижнего белья. Изысканное кружево цвета слоновой кости, тонкое, почти невесомое. Красивое. Дорогое. И абсолютно интимное.

Что? И даже в этом он будет диктовать, что мне носить?

Что-то во мне обрывается. Я поднимаю эти кружевные трусики за край указательным пальцем и поворачиваюсь к нему. Я не говорю ни слова. Мой взгляд – сплошной вопрос, обвинение и шок. Он читает все без перевода.

Его губы кривит медленная, вызывающая усмешка. Он отпивает из бокала, его глаза не отрываются от меня.

— Примеришь? — произносит он тихо, и в его голосе слышится опасная, манящая нотка.
— Прямо сейчас.

Глава 7

«Прямо сейчас».

Эти два слова повисают в воздухе, такие наглые и самоуверенные, что у меня перехватывает дыхание. Сердце колотится где-то в горле. Он что, серьезно? Примерить? При нем? Эти чертовы кружева?

Что-то во мне щелкает. Словно та самая последняя капля... Гордость, злость, унижение – все это сливается в один безумный порыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.